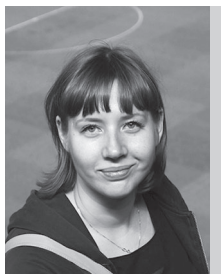

УДК 323.23, 327
DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.123132

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ*

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–6–8 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

Аннотация

Статья посвящена анализу феноменов коллективной и национальной памяти. На примере современной России рассмотрены причины обращения к национальной политике памяти, выделен ее инструментарий (законотворческая деятельность, разработка учебников истории, регулирование доступа к архивам, использование СМИ и другие) и основные особенности. Исследованы функции, которые играют традиционные СМИ и новые медиа при формировании коллективной памяти. Сделан вывод о том, что национальная политика памяти является властным и символическим ресурсом, используемым для конструирования гражданской идентичности населения и позиционирования в системе международных отношений.

Ключевые понятия:

политика памяти, национальная память, коллективная память, государственная политика памяти, постсоветское прошлое, конформизм, фальсификация истории, интеллектуальный колониализм.

Онтология феномена «коллективной памяти» уходит своими корнями в древнегреческую философию, поскольку пролегоменной к его философскому осмыслению можно считать учение Платона об *анамнесисе*. В сугубо политический дискурс этот феномен вошёл сравнительно недавно. В качестве пролога процесса его утверждения в предметном поле политической теории можно считать специфический тренд на «бум памяти» (*memory boom*), завладевший не только коллективным сознанием западных обывателей с конца 60-ых годов XX в., но и оказавшийся в фокусе внимания широкого круга исследователей – социальных философов, антропологов, психологов и, конечно же, историков [15].

Спектр причин, лежащих в основе значимости влияния *memory boom* на осмысление исторического и политического процессов, настолько широк, что его изучение невозможно свести к предметному полю какой-либо конкретной дисциплины. Исследователи выделяют причины как социальной природы: например, всплеск интереса молодежи – первого послевоенного поколения – к событиям предыдущих десятилетий, когда их «отцы» непосредственным образом творили историю. Кроме этого, выход на авансцену проблематики «коллективной памяти» был обусловлен и политическими аспектами, такими как ведение большинством европейских держав того времени неприкрытой колониальной политики в отношении стран так называемого «третьего мира», лишая их не только политического суверенитета, но и суверенитета на «память» об их собственном прошлом. Не стоит недооценивать и философское измерение – пример эксплицитно человеконенавистнической политики Третьего Рейха и его европейских сателлитов для широкого ряда европейских интеллектуалов (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас и др.) стал своего рода «точкой невозврата», после которой были подвергнуты сомнению не только устои, на которых зиждилось европейское сообщество и которыми руководствовались его политические элиты в выстраивании своей внешней политики, но и сами

философские основания Нового времени (показательна концепция Адорно «мыслить после Аушвица» [1]).

Таким образом, формально идеологически нейтральный, классический, «дюркгеймовский» по духу концепт «коллективная память» на волне *memory boom* был сразу же низвергнут в «пучину» конъюнктурного политического процесса, где он приобрел, в том числе, и национальное прочтение, поскольку основными политическими акторами по-прежнему остаются национальные государства (*nation-state*). Политические элиты, утратившие в силу комплекса причин возможности проведения явной колониальной политики, моментально взяли на вооружение новый «инструмент» подчинения, вследствие чего был рождён феномен так называемого «интеллектуального колониализма» [7]. Эта особая форма колониализма апеллирует к конформизму, что свойственен сообществам, вне зависимости от их масштаба, пребывающим в состоянии ценностной аномии или вакуума.

Фактически, «интеллектуальный колониализм» процветает сугубо на «конформистской почве», поскольку именно она способствует успешному форматированию массового сознания, в том числе, национальных сообществ. Однако, как показывает политическая практика последних десятилетий (в особенности, после распада социалистического лагеря и СССР), «садоводу» выгодно не столько даже выращивать необходимую для него поветку «дня текущего», сколько формировать выгодный «образ прошлого», так как вторая стратегия более эффективна с точки зрения принесённых результатов (можно наблюдать в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве).

Итак, некогда конвенциональные нарративы вытесняются совершенно новыми, в чём-то даже «революционными», результаты чего не осмыслены однозначным образом до сих пор. Продуктом этой борьбы нарративов за право трактовки, интерпретации событий прошлых эпох могут стать как социальные протесты, манипуляция которыми может вылиться в смену политического режима в той или иной отдельно взятой стране, так и смена главенствующей философской парадигмы, после чего развитие общества будет переведено на фундаментально иные «рельсы». Учитывая эту несомненную важность роли феномена «национальной памяти» в развёртывании исторического процесса, необходимо рассматривать его в контексте широкого круга политических, социальных и прочих дискурсов, ведущих борьбу за обладание «монополией» на интерпретацию прошлого. Таким образом, рассмотрение феномена «национальной памяти» исключительно как «вещи в себе», то есть в комплексе его внутренних противоречий, пусть и, безусловно, интересных, является вторичной исследовательской задачей.

При оценке феномена «национальная память» стоит отдельно остановиться на определении концепта «политика памяти». В самом общем плане политику памяти определяют как «всю сферу публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти» [11, с. 18]. В контексте данного исследования категории «национальная память» и «политика памяти» рассматриваем как взаимосвязанные феномены. Политика памяти, как отмечает Д. А. Аникин, направлена на воспроизведение

приоритетных для современной политической системы образов или отдельных элементов прошлого с помощью различных технологий и практик [2, с. 17]. Основной задачей политики памяти становится форматирование отношения нации, мирового сообщества и др. к наследию прошлого за счет определенных оптик и контекстов, приоритетных для действующего политического режима или элиты.

Вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются государства, процесс медиатизации политики [4] и информатизации изменяют форму трансляции и способ воспроизводства политики памяти как на макроуровне, так и на уровне отдельных стран. В рамках национальных государств вектор от политики памяти мирового сообщества – «коллективной памяти» – смещается в сторону национальной или государственной политики памяти. Данный тип памяти конструируется на основе истории и символического прошлого отдельного государства. Согласно Е. В. Беляеву и А. А. Линченко государственная политика памяти – это одна из форм политики памяти, где субъектом выступает как само государство, так и ее институты или структуры, задействованные в процессе формирования национальной политики памяти [3]. Однако усиливающийся процесс медиатизации и глобализации частично нивелирует эффекты от реализации стратегий доминирования национальной памяти в пользу коллективной памяти, которая транслируется через мягкие механизмы воздействия [5], например, культурную глобализацию и гуманитарную дипломатию.

Таким образом, каждый тип памяти может применяться как властный ресурс для легитимации существующей политической системы и нормативно-ценностных ориентиров и контуров, а также для институционализации определенной политической практики, транслируемой через медийные и немедийные каналы. Создание стратегий и программ, направленных на формирование национальной политики памяти, тесно связано с национальной идентичностью, поэтому государственную политику памяти также можно рассматривать в качестве символического ресурса. Кроме того, наличие целостной национальной политики памяти – важное условие успешного позиционирования страны в мировой политике, сохранения исторических ценностей и смыслов, консолидации общества и др.

Национальная политика памяти приобрела большое значение в современном российском обществе по причине необходимости поиска внутреннего самоопределения, позиционирования в системе международных отношений. Текущий процесс осмысления истории связан не только с отбором важнейших событий прошлого, определивших реальность и способных очертить перспективы развития общества, но и с интерпретацией этих событий. В этом смысле нынешнее социально-политическое состояние общества представляет собой результат конкуренции, столкновения и взаимодействия различных продвигаемых вариантов толкования истории.

Тенденция активного использования истории в государственной политике наметилась в начале 2000-х годов. Она была связана с поиском новой идентичности, отсутствием общественного единства в оценке советского периода (с одной стороны, идеализация опыта СССР, с другой – его отрицание; имело место и разочарование реалиями постсоветской России). Обращению к политике

памяти способствовала также обеспокоенность процессами переосмысления истории, происходившими в странах постсоветского пространства. Российская власть не могла не ответить на эти вызовы: от нее начали исходить инициативы поддержки различных проектов и экспертных групп, запустился процесс формулирования повестки дня по вопросам национальной памяти.

Обращение к прошлому является также одним из способов обоснования места России на геополитической арене как великой державы. Одну из ключевых ролей в этом играет Великая Отечественная война. В июне 2018 г. ВЦИОМ опубликовал результаты опросов россиян по поводу их отношения к этому событию. В исследовании отмечается, что в последние годы внимание граждан к теме войны заметно усилилось: о встречах с ветеранами сообщили 45% опрошенных (тогда как в 2014 г. – 35%), 61% посетили музеи, места боевой славы (в 2014 г. таких было 30%), почтить захоронения погибших воинов пришли 51% (ранее сообщалось о 28%). Подавляющее большинство респондентов смотрели фильмы о войне (88%), но вот число людей, читавших книги, соответствующей тематики, уменьшилось: с 30% в 2014 г. до 23% в 2018 г. [8].

В 2009 г. С. Шойгу предложил ввести уголовное наказание за отрицание победы СССР в ВОВ [13]. Его предложение было одобрено Думой в апреле 2014 г. и подписано В. Путиным 5 мая того же года. Основная цель такой инициативы – противодействие попыткам посягнуть на историческую память о событиях, происходящих в период Второй мировой войны. В Уголовный кодекс была включена новая статья (354.1), касающаяся реабилитации нацизма. Согласно этой статье, «осквернение символов воинской славы России, совершенные публично, наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей...» [12]. Документ также затрагивает такие моменты, как распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР, оправдание нацизма. Данный закон ясно очерчивает интересы России. Тем не менее, важно, чтобы на практике не возникало желание выборочного его использования или злоупотребления для ограничения не «патриотической» деятельности.

Память о ВОВ является не только фактором внутригосударственной идентичности: она является важным ресурсом внешней политики. Россия, являясь правопреемницей СССР, позиционирует себя как страну, спасшую мир от нацизма. Память о Победе является ресурсом совместного переживания прошлого и используется на постсоветском пространстве для выстраивания особых братских отношений.

Помимо законотворческой деятельности в инструментарий национальной политики памяти входят многие другие инициативы. В 2006 г. от Кремля поступил запрос на разработку учебников истории для студентов и преподавателей. Процесс шел нелегко: приходилось учитывать большое количество критических замечаний различных исторических организаций, СМИ, экспертных сообществ. Ставился вопрос о том, нужен ли в принципе единый учебник истории. С конца 2013 г. речь стала идти уже не о создании учебника, а о выработке стандарта и проведении конкурса работ. По мнению А.И. Миллера, проблема заключается не столько в плюрализме нынешних федеральных учебников, которые по принципиальным вопросам не слишком отличаются друг от друга, сколько в содержании текстов в национальных республиках. Нередко в таких учебниках

происходит трактовка этнической, региональной идентичности как противопоставленной общероссийской. Эта проблема и пути ее решения должны стать предметом публичных дискуссий [6, с. 124].

В 2009 г. указом президента Д. Медведева была создана комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Среди ее основных задач была выработка стратегий и разработка рекомендаций по борьбе с фальсификацией фактов [14]. Комиссия не добилась каких-либо осязаемых результатов и в 2012 г. прекратила свое существование. Тем не менее, она указала на направление использования политики памяти как способа противодействия «неправильным» интерпретациям, а также закрепила в обществе идею необходимости борьбы с фальсификациями, причиняющими ущерб государству.

Регулирование доступа к архивам – еще один инструмент политики памяти. Закон о рассекречивании документов предусматривает, что исследователи получают возможность работы с ними после истечения определенного периода, и лишь отдельные документы могут оставаться закрытыми по итогам специальных решений. На практике доступ к документам предоставляется лишь избранным специалистам, работающим «на заказ», выполняющим государственные задачи. Это, безусловно, удобный инструмент неформального регулирования доступа, который, однако, может ограничивать интересы более широкого круга исследователей.

При реализации национальной политики памяти приоритет отдается не только экономическим и государственным, но информационным инструментам, а именно традиционным и новым СМИ. В зависимости от целей масс-медиа ресурсы, с одной стороны, могут являться инструментом трансляции и формирования национальной памяти, а с другой стороны, выполнять деструктивную функцию, создавать фейк-новости, слухи и иное.

В процессе формирования национальной политики памяти традиционные СМИ (телевидение, радио и печатные издания) и новые медиа (социальные сети, блоги, мессенджеры и др.) могут выполнять следующие функции.

Во-первых, изменяют временные рамки воспроизводства, потребления, доступности накопленного исторического опыта, представленного в виде архивных документов и источников, памятников культурного наследия (например, виртуальная экскурсия по галерее, виртуальная выставка) и др. Новые СМИ меняют способ трансляции, запоминания и подачи воспоминания, духовных скреп и памятных моментов.

Во-вторых, становятся инструментом замалчивания или «забвения», то есть в процессе формирования повестки дня отдельные темы и сюжеты сознательно вытесняются или пропускаются в информационном пространстве национальной политики памяти. В качестве примера стоит привести «тихий юбилей» Октябрьской революции.

В-третьих, применяются для фальсификации истории, создания фейковых (недостовверных) сведений и новостей с целью форматирования сознания населения и манипулирования национальной памятью. Субъектом, формирующим данный контент, являются как государственные акторы, так и отдельные пользователи или организации. Классический пример – британская пропаганда в период Первой мировой войны. Новые формы массовой коммуникации значительно расширили целевую аудиторию, а цифровой способ передачи упростил

доступ, увеличил охват транслируемой информации (сделал ее воспроизводимой в любой точке планеты и в любое время).

В теоретико-методологическом плане в качестве критерия хронологических исследований политики памяти используется именно способ коммуникации (устный, письменный, механический, цифровой), выделяя этапы развития и воспроизводства коллективной памяти. К. А. Пахалюк разделяет способы обращения к прошлому на две категории: символические жесты и создание мест памяти. Под жестами имеется в виду ограниченные по количеству участников и времени обращения к прошлому, позволяющие зафиксировать желаемые смыслы (заявления на историческую тематику, организация конференций, торжественные церемонии, проведение выставок) [9]. Большое значение здесь имеет использование съездов международных организаций в качестве площадок для принятия общих документов относительно исторических событий. Примером является принятие на заседании Генассамблеи ООН резолюции по борьбе с героизацией нацизма по инициативе России.

Места памяти долговечнее и устойчивее жестов, однако, их символическое значение также важно поддерживать. Политика памяти здесь может принимать следующие формы: установка памятников (как на территории России, так и в дар другим странам), организация музеев (и также сотрудничество по организации их в других государствах), обустройство гражданских и воинских захоронений, переименование улиц и других топонимических объектов [9].

Интересно, что важной чертой российской политики памяти является практика забывания, вытеснения. Она используется наравне с конструированием моделей прошлого. Обычно практика забывания нацелена на исключение из дискурса проблемы, существовавшей в прошлом или перенос общественной дискуссии на то время, когда участие в ней смогут принять поколения, которые не являлись свидетелями обсуждаемых событий. По мнению Т. В. Растимешиной из истории России нередко вырывались отдельные важные события, иногда даже целые пласты, на забвение были обречены институты, организации, государственные и политические деятели [10, с. 62].

Таким образом, можно утверждать, что национальная политика памяти выступает важной основой легитимности власти страны, основой для выстраивания гражданской идентичности. В последние годы в России данный вопрос стал предметом государственной важности, идет процесс разработки стратегий, принятия соответствующих мер в отношении политики памяти как внутри страны, так и в пространстве ближнего зарубежья. Стоит отдельно отметить, что обращение к национальной политике памяти должно быть очень деликатным и аккуратным. Глобализация, информационное перенасыщение создают условия, в которых национальная политика памяти уступает место коллективной, а также становится источником потенциальных угроз. На данный момент риски, связанные с внедрением стратегий национальной политики памяти, мало изучены. Деконструирование определенных сюжетов прошлого должно учитывать особенности исторического и политического контекста государства, а также не нарушать целостность социальной памяти других стран. Важно, чтобы эта деятельность не шла исключительно «сверху вниз» и не сводилась к простой пропаганде. В нее должны вовлекаться широкие круги экспертов, представляющих научные круги и организации гражданского общества.

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. С. 322–333.
2. Аникин Д.А. Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 15–21.
3. Беляев Е.В., Линченко А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. 2016. URL: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/belyaev_linchenko.pdf (дата обращения: 04.06.2018).
4. Грибовод Е.Г. Медиатизация политики как стратегический ресурс политических коммуникаций // Наука Красноярья. 2016. № 6. С. 48–57.
5. Ковалева Д.М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 118–132.
6. Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти России // Политика. 2013. № 4. С. 114–126.
7. Моисеенко Я.Ю. Ресурсы и инструментарий интеллектуального колониализма: введение в теоретический анализ // Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке: монография / Шаронова С.А. и др.; [под ред. доктора социологических наук С.А. Шароновой и кандидата философских наук Н.В. Трубниковой] – М.: РУДН, 2017. С. 33–61.
8. Память о войне: истории и мифы // ВЦИОМ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176> (дата обращения: 05.07.2018).
9. Пахалюк К.А. Мягкая сила и политика памяти в контексте внешней политики современной России: точки пересечения // URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4772> (дата обращения: 05.07.2018).
10. Растимешиной Т.В. Культурное наследие в российской политике государственной памяти // Власть. 2012. № 10. С. 60–64.
11. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (28–29). С. 17–30.
12. Статья 354.1 УК РФ. Реабилитация нацизма (действующая редакция) // Кодексы и законы. URL: <https://www.zakonrf.info/uk/354.1/> (дата обращения: 05.07.2018).
13. Тюрма – за отрицание Великой Отечественной войны // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/02/24_kz_2948230.shtml (дата обращения: 05.07.2018).
14. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. N 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // URL: <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (дата обращения: 12.05.2018).
15. Blight, David W. *The Memory Boom: Why and Why Now?* In *Memory in Mind and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. pp. 238–251.

References

1. Adorno T. V. *Negativnaya dialektika*. M.: Nauchnyj mir, 2003. S. 322–333.
2. Anikin D. A. *Politika pamyati v global'nom mire: predposylki social'no-filosofskogo issledovaniya* // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2011. № 1. S. 15–21.
3. Belyaev E. V., Linchenko A. A. *Gosudarstvennaya politika pamyati i cennosti massovogo istoricheskogo soznaniya v sovremennoj Rossii: problemy i protivorechiya* // *Studia Humanitatis*. 2016. URL: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/belyaev_linchenko.pdf (data obrashheniya: 04.06.2018).
4. Gribovod E. G. *Mediatizaciya politiki kak strategicheskij resurs politicheskix kommunikacij* // *Nauka Krasnoyar'ya*. 2016. № 6. S. 48–57.
5. Kovaleva D. M. *Koncept soft power kak predmet izucheniya sovremennoj politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskix strategij* // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 2013. T. 13. Vyp. 1. S. 118–132.
6. Miller A. I. *Rol' e'kspertnyx soobshhestv v politike pamyati Rossii* // *Politiya*. 2013. № 4. S. 114–126.
7. Moiseenko Ya. Yu. *Resursy i instrumentarij intellektual'nogo kolonializma: vvedenie v teoreticheskij analiz* // *Intellektual'nyj kolonializm na global'nom obrazovatel'nom rynke: monografiya / Sharonova S. A. i dr.; [pod red. doktora sociologicheskix nauk S. A. Sharonovoj i kandidata filosofskix nauk N. V. Trubnikovoj]* – M.: RUDN, 2017. S. 33–61.
8. *Pamyat' o vojne: istorii i mify* // VCIOM <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176> (data obrashheniya: 05.07.2018).
9. Paxalyuk K. A. *Myagkaya sila i politika pamyati v kontekste vneshnej politiki sovremennoj Rossii: tochki peresecheniya* // URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4772> (data obrashheniya: 05.07.2018).
10. Rastimeshinoj T. V. *Kul'turnoe nasledie v rossijskoj politike gosudarstvennoj pamyati* // *Vlast'*. 2012. № 10. S. 60–64.
11. Rusakova O. F., Kochneva E. D. *Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati* // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2015. № 3–4 (28–29). S. 17–30.
12. *Stat'ya 354.1 UK RF. Reabilitaciya nacizma (dejstvuyushhaya redakciya) // Kodeksy i zakony*. URL: <https://www.zakonrf.info/uk/354.1/> (data obrashheniya: 05.07.2018).
13. *Tyur'ma – za otricanie Velikoj Otechestvennoj vojny* // *Gazeta.ru*. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/02/24_kz_2948230.shtml (data obrashheniya: 05.07.2018).
14. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15 maya 2009 g. N 549 «O Komissii pri Prezidente Rossijskoj Federacii po protivodejstviyu popytkam fal'sifikacii istorii v usherb interesam Rossii»* // URL: <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (data obrashheniya: 12.05.2018).
15. Blight, David W. *The Memory Boom: Why and Why Now?* In *Memory in Mind and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. pp. 238–251.

UDC 323.23, 327

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.123132

NATIONAL POLITICS OF MEMORY IN MODERN RUSSIA: MAIN TRENDS AND INSTRUMENTS

Gribovod Ekaterina Grigorievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Kovba Darya Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Moiseenko Yan Yurievich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the phenomena of collective and national memory. Through the example of modern Russian situation, reasons for applying to the national politics of memory are considered, with main instruments (e. g. law-making activity, developing of history books, regulations of public access to the archives, use of the media, etc.) and key features being highlighted. Traditional media as well as new media functions are also examined in the process of collective memory formation. The conclusion is reached that the national politics of memory is an authoritative and symbolic resource for civil identity constructing and positioning of the nation-state in the system of international relations.

Key concepts:

politics of memory, national memory, collective memory, state politics of memory, post-Soviet past, conformism, falsification of history, intellectual colonialism.